

А.С. Трачевский

**Международная политика в
эпоху Людовика XIV**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

А11 **А.С. Трачевский**
Международная политика в эпоху Людовика XIV / А.С. Трачевский – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 78 с.

ISBN 978-5-458-02345-0

Журнал Министерства народного просвещения. Шестое десятилетие. Часть
254. 1888, январь.

Журнал Министерства народного просвещения. Шестое десятилетие. Часть
255. 1888, февраль.

ISBN 978-5-458-02345-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ласти случайностей и поставить на научную почву. Здѣсь онъ, въ силу вещей, все явственнѣе обнаруживается и на практикѣ, даже въ государствахъ, гдѣ народъ не участвуетъ въ управленіи непосредственно. Гораздо менѣе прогресса видимъ въ дипломатіи. Весьма характерно сказаніе, будто передъ войною 1870 года князь Висмаркъ провелъ всѣхъ тѣмъ, что говорилъ правду, хотя этотъ приемъ уже употреблялся въ эпоху Людовика XIV. Лишь недавно стали задумываться надъ необходимостью изслѣдовать основы международной политики—направленіе съ широкимъ будущимъ, въ виду невыносимой тяжести военныхъ бюджетовъ повсюду. На Западѣ стали появляться научныя работы по этому вопросу, къ которымъ должно причислить замѣченный тамъ интересный трудъ нашего соотечественника ¹⁾. Но, какъ всѣ социологическія изслѣдованія, онъ тогда только получаетъ прочное значеніе, когда будутъ опираться на факты, строго проверенные и уясненные историческою наукой.

Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ плодотворнѣе всего было бы начать съ сравнительнаго изученія эпохъ и плановъ міродержавій: здѣсь наиболѣе обнаруживается характеръ международныхъ связей; здѣсь есть сходство въ приемахъ политики и въ ея послѣдствіяхъ. Таковы въ древности македонская пора и Римская имперія, въ средніе вѣка—стремленія папства, въ новой исторіи—эпохи Карла V и Филиппа II, Людовика XIV и Наполеона I. Важнѣе всего послѣдній отдѣлъ, и не по одной своей тѣсной связи съ современною дипломатіей: тутъ практику международной политики сопровождаетъ теорія международнаго права, которая, въ свою очередь, взываетъ къ ея серьезному пересмотру на основаніи современныхъ научныхъ методовъ. Мы намѣрены сдѣлать попытку охарактеризовать международныя отношенія въ эпоху Людовика XIV по фактамъ, точно установленнымъ документами и историческою критикой. Здѣсь принципы дипломатіи новаго времени выступили наиболѣе смѣло и отчетливо; здѣсь же превосходно очерчивается законъ связи между внѣшнею и внутреннею политикою въ видѣ цѣлой великой системы, которую полезно, послѣ многихъ оцѣнокъ, подвергнуть новому анализу при новыхъ средствахъ науки. Извѣстность столь блестящаго предмета даже среди нашей большой публики не должна ослаблять интереса къ нему: о Людовикѣ XIV

¹⁾ *J. Novicow. La politique internationale, précédé d'une introduction de Eug. Véron. Paris. 1886.* А за годъ передъ тѣмъ появилась подобная же попытка построить теорію внутренней политики. См. *Donnat. La politique expérimentale. Paris. 1885.*

писалось достаточно много и противорѣчиво, чтобы возбудилось желаніе узнать, какой же обликъ представляютъ онъ и его эпоха въ нынѣшнемъ свѣтѣ науки.

Первоначальная легенда о „великомъ“ Людовикѣ раздѣляла участь другихъ величавыхъ легендъ французской исторіи — революціонной и императорской: лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, съ легкой руки Минье ¹⁾, она начала разлетаться по клочкамъ до того, что даже возникали, въ силу реакціи, модныя попытки историческаго обьяленія. Теперь, можно сказать, полетившаго того времени вполне выяснилась, благодаря неутомимой архивной разработкѣ и различнымъ точкамъ зрѣнія историковъ. Наша задача облегчается и оживляется недавними трудами, вышедшими у трехъ народовъ. Французъ Поля ²⁾ недавно напечаталъ любопытное изслѣдованіе на основаніи не изданныхъ документовъ парижскаго архива морскихъ дѣлъ и колоній: здѣсь съ новой стороны рисуются Людовикъ XIV и его система, а также экономическіе вопросы эпохи. Старый знакомый Россіи, Легрель ³⁾, изучилъ по архивамъ весьма важный и для нашихъ цѣлей, и по своему современному значенію, вопросъ о Страсбургѣ. Если онъ не лишенъ патріотическаго романтизма и стремится „смирить позоръ съ чести Франціи, пересмотрѣвши искъ, вчиненный противъ нея Германіей“, за то даетъ намъ, въ огражденіе безпристрастія, много новыхъ документовъ. Сверхъ того, противоидею ему служить новое сочиненіе знатока эпохи, нѣмца Филиппсона ⁴⁾, также не ли-

¹⁾ *Mignet. Négociations relatives à la succession d'Espagne sous Louis XIV. Paris. 1835.* Этими образцовымъ сочиненіемъ открылось основанное министромъ Гьво прекрасное изданіе: *Documents inédits sur l'histoire de France.* За Минье послѣдовали *Clément (Histoire de Colbert, 1846; Le gouvernement de Louis XIV, La police sous Louis XIV), Roussel (Histoire de Louvois), Chéruel (Histoire de l'administration monarchique en France, 1855; Mémoires sur Fouquet; Histoire de France pendant la minorité de Louis XIV)*, не говоря о болѣе мелкихъ изслѣдователяхъ. Академикъ Руссе, въ своемъ превосходномъ трудѣ, доказывалъ, что Людовикъ XIV былъ лишь *machine à signer* въ рукахъ своихъ министровъ — мысль, которая произвела сильное впечатлѣніе, но оказалась преувеличеніемъ.

²⁾ *Pauliat. Louis XIV et la compagnie des Indes Orientales. Paris. 1886.*

³⁾ *Legrelle. Louis XIV et Strasbourg. Paris. 1884.* Объ этой книгѣ въ *Ж. М. Н. Пр.* была помѣщена статья покойнаго проф. В. В. Вауера. Легрель работалъ въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, составилъ путешествіе по Россіи (*Volga, notes sur la Russie*) и издалъ интересный трудъ о Гольбергѣ, имѣющемъ значеніе для оцѣнки Фовизина. Недавно вышелъ его переводъ „Ябеды“ Капниста и „Грозы“ Островскаго на французскій языкъ.

⁴⁾ *Philippson. Das Zeitalter Ludwigs des Vierzehnten. Berlin. 1879 (въ изданіи Оппена: Allgemeine Geschichte).*

шеннаго патриотизма, хотя болѣе хладнокровнаго. Къ западнымъ историкамъ присоединился русскій г. Гуревичъ ¹⁾, взявшій мало разработанную и крайне интересную сторону дѣла — экономическій вопросъ въ исторіи происхожденія войны за испанское наслѣдство, при чемъ выдвинулась политика Англіи. Не сообщая новыхъ документовъ, этотъ прекрасный трудъ представляетъ обработанный сводъ литературы предмета, тѣмъ болѣе цѣнный, что въ нашей историографіи предметъ затронутъ впервые.

I.

Макиавелизмъ.

Чѣмъ крупнѣе политическая сила, тѣмъ болѣе въ ней массоваго, стихійнаго начала, тѣмъ ярче, безотчетнѣе выступаютъ первобытныя, животныя черты въ борьбѣ за существованіе. Чѣмъ менѣе цивилизована окружающая ее среда, тѣмъ суровѣе эти черты: тогда самыя идеи, эти символы, столь же необходимые для массъ, какъ знамена для армій, окрашиваются оттѣнкомъ фанатизма. Таковы языческая страстность и племенной патриотизмъ, лежавшіе въ основаніи внѣшней политики древняго Востока. Въ классическомъ мірѣ долго господствовали религіозный фанатизмъ въ формѣ кроваваго, родоваго начала, прекрасно схваченнаго Фюстель де Куланжемъ ²⁾ и подтвержденнаго соціологіей. Но рядомъ съ нимъ развивалось столь же неумолимое государственное начало, вѣнцомъ котораго сталъ Римъ и особенно его міродержавная имперія: здѣсь зародышъ дипломатіи, которая долго была лишь наивнымъ обобщеніемъ первобытныхъ преданій (*divide et impera*—властуй путемъ раздоровъ) и, прикрываясь новыми формами цивилизаціи, значительно сохранилась до нашихъ дней печальнымъ пережиткомъ („*survival*“ Тайлора). Ея первымъ и искуснымъ преемникомъ въ средніе вѣка было папство, обращавшее самую идеальную религію въ свое фанатическое орудіе. Но она рано стара-

¹⁾ *Гуревичъ*. Происхожденіе войны за испанское наслѣдство и коммерческіе интересы Англіи. С.-Пб. 1884; это сочиненіе первоначально было напечатано въ *Ж. М. Н. Пр.* Дополненіемъ взгляда автора на Людовика XIV служитъ его брошюра: Значеніе царствованія Людовика XIV и его личности. С.-Пб. 1886. Это—вступительная лекція, которую онъ читалъ въ Петербургскомъ университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента по кафедрѣ всеобщей исторіи.

²⁾ *Fustel de Coulanges*. La cité antique. Въ русскомъ переводѣ—„Гражданская община древняго міра“; изд. *Солдатенкова*.

лась выдѣлиться въ болѣе свойственной ей формѣ свѣтскаго интереса. Подъ потрясающимъ вліаніемъ Крестовыхъ походовъ, этотъ интересъ все возрасталъ въ видѣ политическаго и національнаго сплоченія или, по лѣтописному выраженію, „собиранія“ земли, власти и народности. Переходъ къ новой исторіи ознаменованъ его утвержденіемъ на крайнемъ западѣ, въ странахъ наиболѣе развившихся, подъ классическимъ вліаніемъ Италіи.

Тогда опредѣлилась одна изъ главныхъ основъ новой исторіи— абсолютизмъ. Въ немъ естественно должны были воплотиться первобытныя черты политики вообще: тогда гораздо больше, чѣмъ теперь, дипломатія соотвѣтствовала внутреннему строю государствъ. Новая историческая сила обнаружилась прежде всего во Франціи, благодаря особенно борьбѣ съ сосѣдями, и именно съ англичанами. Людовикъ XI былъ открытымъ представителемъ міроваго „обмана“ въ смыслѣ Данта. Человѣкъ, начавшій съ покушенія на жизнь собственнаго отца, завѣщалъ своему сыну правило: „кто не умѣетъ лицедрить, тотъ не правитель“. Но у его преемниковъ нашелся болѣе даровитый соперникъ. „Вотъ ужъ второй разъ онъ надудъ меня!“ воскликнулъ Людовикъ XII о Фердинандѣ-Католикѣ. „Неправда, десятый разъ“, поправилъ его Фердинандъ.

Это артистическое тщеславіе доказываетъ, что старыя, истинно-чуждые приемы были возведены въ теорію дипломатическаго „искусства“. Фердинандъ былъ поклонникомъ талантливаго публициста Комина, который обожалъ своего друга и героя Людовика XI, хотя и испыталъ его изобрѣтеніе—железную клітку. „Записки“ Комина быстро были переведены на всѣ языки Европы и долго служили любимымъ чтеніемъ интеллигенціи. Здѣсь вѣетъ духомъ возрожденія классицизма, подъ прямымъ вліаніемъ Италіи. Безпощадный принципъ древняго Рима, „государственная польза“ (*ratio status*), былъ душой Людовика XI и его наперсника; вѣроломный кондотьеръ Франческо Сфорца былъ ихъ идеаломъ. Тогда же прививалось къ жизни римское право, это порожденіе цезаризма, капитализма и рабства: оно замѣняло обычное право и народное правленіе чиновничествомъ, бумажнымъ крючкотворствомъ, утонченнымъ юридическимъ фанатизмомъ. Италіанскія войны содѣйствовали распространенію античнаго взгляда на государство и пресловутой италіанской дипломатіи. Но онѣ же привели къ первому международному принципу. Правда, то было жалкое „политическое равновѣсіе“, заимствованное изъ механики; но оно служило слержкою дипломатической виртуозности юнаго абсо-

лютивизма. Къ тому же съ тѣхъ поръ племенной хаосъ, это орудіе папскаго властолюбія, смѣнился строемъ народностей, этихъ питомниковъ свѣтскаго интереса: „лиги“ и „контрлиги“ означали, что Европа стала политической системой.

Не успѣли окончиться Италіанскія войны, эта школа коварства, гдѣ наставникомъ былъ Фердинандъ, какъ появился „Государь“ (Il Principe) Макиавеля. Здѣсь основа не новая. Макиавель плѣнился героемъ Комина, умершимъ на зарѣ его юности, и своимъ сверстникомъ Фердинандомъ („Il Principe“ написанъ въ 1516 году, — годъ смерти Фердинанда), котораго онъ поставилъ „выше всѣхъ современниковъ въ искусствѣ правленія“. Его поразилъ также демонизмъ втораго Сфорцы, Чезаре Борджиа. Но Макиавель возвелъ политическій идеалъ эпохи въ перлъ теоретическаго созданія и осѣнилъ его авторитетомъ древности. Классикъ до мозга костей, онъ училъ, что наша личность, дѣти, настоящее, все должно быть принесено въ жертву „государству“. Пылкій патриотъ, получившій презрѣніе къ гражданскимъ свойствамъ соотечественниковъ, Макиавель не видѣлъ другаго средства для сплоченія Италіи, кромѣ насилія, которое онъ изучилъ въ свое двадцатилѣтнее управленіе вѣшными дѣлами Флоренціи. Такъ воспитался отецъ дипломатіи или, какъ говорятъ теперь, реальный политикъ. „Коварство—счастливое средство; изворачивайся по волѣ вѣтровъ и колебаній счастья“; вся сила въ военномъ „ремеслѣ“, которое слѣдуетъ распространить на всѣхъ гражданъ; смотри на собственныхъ подданныхъ, какъ на враговъ, сливая вѣшную политику съ внутреннею: вотъ основныя черты этого типа.

Здѣсь не мѣсто разбирать этого Шекспира въ политикѣ, назвавшего свое ученіе „горькимъ лѣкарствомъ, которое только глупецъ станетъ смаковать вмѣсто того, чтобы проглотить сразу“. Его начали понимать лишь въ наше время, когда италіанцы начертали на его памятникѣ: „выше всякихъ похвалъ“. Но иное дѣло—Макиавель, иное—его „Государь“, по крайней мѣрѣ въ его общепринятомъ смыслѣ. Какъ всякое великое произведеніе слова, „Государь“—выданная тайна времени, и не вина Макиавеля, если потомство поставило книгу вѣчнымъ идеаломъ, хотя, къ своей чести, и проклинало ея автора, какъ Герострата святини совѣсти. Понятно, что произведеніе Макиавеля потрясло всѣхъ: теперь мы такъ умудрены опытомъ, что и дѣти понимаютъ, что такое—карьеря, поклоненіе успѣху и силѣ; тогда же требовалось впервые выставить принципъ смѣло, безъ маски, и отчетливо. Макиавель, какъ и сама исторія, не видѣлъ ничего, кромѣ этого

„жестокаго средства“ для „спасенія общества“ отъ пережитковъ средневѣковщины.

Благодаря знаменитой книгѣ, макиавелизмъ сталъ порочнымъ терминомъ, на ряду съ „іезуитствомъ“, которое было его вторымъ, церковнымъ изданіемъ. Рѣдкая книга принесла столько вреда, какъ это сочиненіе, которое было переведено на всѣ языки и заставило забыть трудъ Коминна. Въ эпоху темнаго абсолютизма оно было любимымъ чтеніемъ правителей, которые брали въ толкъ лишь его опасныя страницы, пока Фридрихъ II прусскій не выставилъ его къ позорному столбу. Слабый самъ по себѣ, „Антимакиавель“ Прусскаго короля важенъ, какъ произведеніе вѣнценосца временъ „просвѣщенія“: ничтожный по практическимъ послѣдствіямъ въ жизни самого автора, онъ обозначаетъ новую эпоху въ исторіи политическаго сознанія.

Теоретическій смыслъ „Государя“ въ томъ, что онъ выдвигалъ свѣтскій, реальный интересъ противъ церковнаго идеализма средних вѣковъ. Это—плодъ критической мысли, воскресшей въ эпоху возрожденія классицизма. Тогда слагалось болѣе ясное понятіе о государствѣ, подготавливались основы правовѣдѣнія. Пытливые гуманисты и реформаторы стали философствовать объ идеалахъ и началахъ права, не довольствуясь „юриспруденціей“, которая схоластически разжевывала положительныя законодательства. Классиковъ изучали уже не ради одной филологіи и эстетики: въ нихъ находили обширную сокровищницу возрѣній на общежитіе. Географическія открытія затрогивали рядъ подобныхъ же вопросовъ по поводу быта дикарей. Въ самой Европѣ рождались новые политическіе и соціальныя міры—плодъ борьбы различныхъ взглядовъ. Въ международныхъ сношеніяхъ папы подавали примѣръ новой дипломатіи своими перемѣнчивыми свѣтскими „лигами“. Послѣдовалъ союзъ Франціи съ Портой, это открытое глумленіе надъ каноническимъ правомъ, а за нимъ—союзы Французскихъ королей, гонителей гугенотовъ, съ нѣмецкими протестантами. Отсюда зачатки государственнаго и международнаго права въ видѣ многихъ сочиненій эпохи реформаціи, начиная съ „Бесѣды о первой декадѣ Ливіа“ того же Макиавеля. Больше всего разсуждали въ этомъ направленіи, послѣ италіанцевъ, сначала во Франціи и Англіи, потомъ въ Голландіи. Превратившись въ республику, Голландія стала пріютомъ государственной мудрости: вскорѣ она создала Гуго Гроція, съ котораго идетъ непрерывная разработка государственныхъ наукъ.

Между тѣмъ какъ мыслители разсуждали объ идеалахъ государ-

ства, жизнь шла своимъ путемъ. Здѣсь сразу утвердился макиавелизмъ, въ общепринятомъ смыслѣ этого термина. Но онъ принималъ своеобразныя формы, выстѣ съ чередованіемъ историческихъ силъ. Три эпохи—реформація, абсолютизмъ и новѣйшее время—представляютъ свои типы и въ международной области. Намъ кажется, что для оцѣнки ихъ слѣдовало бы критически сравнить три рѣдкіе, по своему мировому значенію, международные договора — Вестфальскій (1648), Утрехтскій (1713) и Вѣнскій (1815). Наша задача—содѣйствовать уясненію втораго изъ нихъ.

II.

Политическая Европа при Людовикѣ XIV.

При господствѣ макиавелизма, международныя отношенія зависѣли оттого, были ли въ Европѣ условія, благоприятныя для нарушенія пресловутаго „политическаго равновѣсія“: во всеобщемъ желаніи не могло быть сомнѣнія. Въ концѣ XVII вѣка и въ началѣ XVIII такія условія были на лицо.

За исключеніемъ Франціи, Западъ представлялъ собою тогда не только безотрадное, но и немощное явленіе. Еще не вполне остылъ полуторавѣковой кровавый фанатизмъ, и бросались въ глаза его послѣдствія—нищета и огрубѣніе массъ, боязнь свободной мысли. Тамъ и сямъ просвѣчивали пережитки феодализма, которые истреблялись съ ожесточеніемъ. Отсюда глухая пора въ исторіи—одна изъ самыхъ тяжелыхъ и долгихъ реакцій, связанныхъ съ господствомъ темнаго, съ точки зрѣнія „просвѣщенія“, абсолютизма. И она, и породившая ее борьба истощили силы народовъ.

Главный соперникъ и сосѣдъ французскихъ Бурбоновъ, Габсбургскій домъ, палъ ниже всѣхъ съ высоты своего кичливаго всемогущества. Испанія, эта руководительница Европы при его первыхъ двухъ представителяхъ, превратилась въ развалину уже при смерти Филиппа II. Ею правили энигоны, рабы пышной „грандеццы“—того придворнаго этикета, который служилъ атмосферой абсолютизма повсюду, пока не взошла звѣзда Людовика XIV: послѣдній изъ Габсбурговъ, Карлъ II, былъ игрушкой въ рукахъ своей родни и иностранныхъ пословъ. Благодаря деспотизму и иезуитамъ, страна, которая недавно была первою морскою державой, лишилась всякаго торговаго значенія и дошла до крайняго истощенія. Еще въ началѣ XVII вѣка здѣсь

10 милліоновъ работали надъ прививкой арабской и европейской культуры, а въ концѣ—на запустѣлой землѣ прозябало всего 5¹/₂ милліоновъ лѣнливаго, раболѣпнаго народа, идеаломъ котораго стали правдностъ надменнаго хидальго да мертвое уединеніе монастыря. Въ митрополіи золотоносныхъ колоній возвращались къ мѣновой торговлѣ за недостаткомъ денегъ. Провинціи кишѣли разбойниками, контрабандистами и нищими; по городамъ бродили полунагіе солдаты. Офицеры и чиновники тщетно требовали своего жалованья; оголтѣлые гранды толпились въ переднихъ дворца, гдѣ подъ часъ не хватало средствъ на столъ короля. Участъ Испаніи раздѣляли земли, входившія въ составъ ея монархіи—Саццлія, Неаполь, Миланъ, Испанскіе Нидерланды (теперь Бельгія). Габсбургское иго вызвало возстанія; но они лишь умножали бѣдствія. Только Португалія удалось освободиться: но Браганцскій домъ оказался не лучше Габсбурговъ, и страна стала игрушкой въ рукахъ французовъ и англичанъ¹⁾.

Не завиднѣе было положеніе нѣмецкихъ Габсбурговъ, не смотря на ихъ вишній блескъ, обширность владѣній и громкій титулъ императоровъ. Находясь въ средоточіи Европы, они должны были принимать участіе въ мировой политикѣ и выносить главную тяжесть религіозной борьбы, завѣщанной реформаціей. Ихъ стѣсняли и завоевательныя стремленія старыхъ державъ-союзницъ, Франціи съ Турціей, и жизненныя движенія юныхъ государствъ—Пруссіи, Швеціи, Россіи, Давіи и Голландіи. Они старались укрѣпиться въ своихъ наследственныхъ владѣніяхъ, въ Австріи, и готовы были погубить Нѣмецкую имперію для утвержденія тамъ своего абсолютизма. Но имперія сама подрывала ихъ силы, вовлекая ихъ въ европейскія треволненія и ничего не давая въ замѣнъ. Она до XIX вѣка не могла оправиться отъ потрясеній временъ Тридцатилѣтней войны. Эта война, подъ руководствомъ Бурбоновъ, обрекла ее на долгое политическое изнеможеніе, превративъ ее въ „богоспасаемый хаосъ“: по Вестфальскому миру власть императора раздробилась между множествомъ фюрстовъ²⁾, которые подчинялись вліянію Франціи, стремясь подражать блеску ея двора и не имѣя на то собственныхъ средствъ. Силы которыя могли бы руководить многоглавою Германіей, были слабы

¹⁾ Подробности во введеніи къ нашей книгѣ „Испанія XIX вѣка“ и у Гуревича, глава VIII).

²⁾ Они характеризованы въ нашихъ статьяхъ о Германіи, въ *Вѣстникъ Европы* за 1875 г.

Пруссія—лишкомъ юна, Австрія—слишкомъ стара. Къ тому же, онѣ только мѣшали другъ другу. Уже бранденбургскій Петръ I, „великій курфюрстъ“ Фридрихъ-Вильгельмъ, относился къ императору не какъ къ своему монарху, а какъ къ союзнику; а послѣ него Бранденбургъ превратился въ королевство Пруссію. Королевская и гогенцоллернская Пруссія уже не могла уживаться съ императорскою и габсбургскою Австріей. Въ данную минуту первая собирала свои силы, вторая теряла послѣднее значеніе. Механическая смѣсь народностей, гнѣздо корыстныхъ феодаловъ и испанскихъ іезуитовъ, Австрія стала образцомъ внутренняго макиавелизма: она управлялась вялыми, напыщенными императорами и министрами-рутинерами. Габсбурги не могли охранять Нѣмецкую имперію отъ чуждыхъ поплзновеній: ихъ самихъ спасали Яны Собѣскіе да Евгениі Савойскіе отъ мятежей мадьяръ и набѣговъ турокъ.

Свѣтскій вождь католицизма, австрийскій Габсбургъ, не могъ разчитывать на помощь его духовнаго главы. Послѣ Тридцатилѣтней войны, папа, которому приходилось бороться съ Франціей и испытывать измѣну іезуитовъ, терялъ власть даже въ Церковной области гдѣ распорядились иностранные кредиторы да новая мѣстная аристократія. Уже возникали пророчества о гибели папской державы, и обозначалась великая роль Савойи и Піемонта. Рядъ дѣльных герцоговъ Савойскихъ выставилъ тогда ловкаго дипломата, Виктора Амадея II, и вслѣдъ за повышеніемъ Бранденбурга на лѣстницѣ титуловъ Европа увидѣла въ его лицѣ еще одного короля.

Сѣверъ Европы находился въ хаотическомъ, напряженномъ положеніи. Польша и Данія падали, какъ отъ внутреннихъ неурядицъ такъ и отъ усиленія сосѣдей—Россіи, Пруссіи, Швеціи и Голландіи. Только двѣ послѣднія страны имѣли значеніе, да и то временное. Швеція, послѣ Тридцатилѣтней войны, смѣло и упорно выдвигалась на первый планъ, мечтая о „сѣверной имперіи“, при достойныхъ преемникахъ Густава Адольфа, Карлахъ X, XI и XII; но она нуждалась въ помощи Франціи, въ виду многочисленныхъ соперниковъ, особенно Россіи Петра Великаго. Пріютъ наукъ, искусствъ, политической и умственной свободы, обладательница несметныхъ колониальныхъ богатствъ и могучаго флота, Голландская республика, признанная Вестфальскимъ миромъ, пользовалась значеніемъ, которое не соответствовало ея размѣрамъ (два милліона жителей). Она удачно боролась съ Англіей и Швеціей и была однимъ изъ главныхъ центровъ политики даже при Людовикѣ XIV. Но ея силу подрывала

борьба партій, поддерживаемая соперничествомъ Англій. „Республиканцы“ или „патріоты“ (денежная знать) подозрительно относились къ „монархистамъ“ или „оранжистамъ“ (народъ, войско и проповѣдники), которые старались усилить власть штатгальтера, принадлежавшую Нассау-Оранскому дому освободителя страны, Вильгельма Молчаливаго. Въ половинѣ XVII вѣка монархисты ослабили: пятнадцатилѣтній Вильгельмъ III Оранскій не былъ призванъ штатгальтеромъ, и власть перешла къ вождю республиканцевъ, Япу де-Витту. Другъ и ученикъ Декарта, честный патріотъ, Виттъ оказался такимъ пылкимъ республиканцемъ, что, увлекаясь внутреннею борьбой, не могъ достаточно углубиться во внѣшнюю политику. Возвышая флотъ, онъ самъ ослаблялъ войско, какъ главную опору монархистовъ. А чтобъ оградить страну съ сухаго пути, онъ склонился къ Людовику XIV, довѣрившись его соблазнительнымъ обѣщаніямъ. Виттъ только ослабилъ Голландію, на которую пали первые удары вѣроломнаго монарха Франціи.

При безсиліи материка, все дѣло было въ Англій, которая такъ блистательно боролась съ Франціей въ средніе вѣка и отличилась, какъ вождь протестантизма, при Елизаветѣ. Но и она пала послѣ своей любимицы „королевы-феи“. Дорого стоило ей господство Стюартовъ, замышлявшихъ уничтожить основы ея быта — конституцію и протестанство. Нація преодолила эти попытки, но цѣною двухъ революцій, изъ которыхъ первая потрясла ее до основанія. Не говоря уже про матеріальныя потери, Англія, съ одной стороны, долго страдала отъ нравственнаго растлѣнія, внесеннаго смутой въ парламентскую среду, съ другой — не былъ рѣшенъ вопросъ династическій: до половины XVIII вѣка поддерживаемые Версалемъ отпрыски Стюартовъ привлекали къ себѣ сочувствіе торійской знати, ненавидѣвшей виговъ, на которыхъ оперлась новая, Ганноверская династія. Впрочемъ тогда же, послѣ второй революціи, Англія стала возвышаться: объ ея упорство разбились властительныя стремленія Людовика XIV. Ниже мы присмотримся къ ней внимательнѣе.

Застой, отсутствіе творчества да связанныя съ реакціей неурядицы въ старыхъ государствахъ; напряженіе сверхъ силъ, тяжелые внутренніе вопросы, исканіе опоры извнѣ въ государствахъ новыхъ — вотъ политическая Европа при переходѣ отъ XVII вѣка къ XVIII. Этимъ и пользовалась Франція, которая одна представляла собою относительную силу.